КАРЕЛЬСКИЙ НОКТЮРН

— Ну, что делать будем, Коля? Мы остались вдвоём, — задал я вопрос приятелю.

Мы вшестером сидели в кабинете главного механика завода. Наш летний поход срывался из-за капитального ремонта цеха № 2, так как туристическая группа состояла из технического персонала, и главный инженер не отпускал четверых наших товарищей до окончания работ. Сроки завершения капремонта по разным причинам переносили, и работы могли затянуться до ледостава. Коля предложил:

— Давай напишем объявление о том, что мы хотели бы пойти в водный поход, и повесим его там, где бывает много туристов, может быть, кто-то и возьмёт нас.

— Больше всего народу бывает в Клубе туристов на Желябова, 27. Давай вместе поедем. Там есть стенд с объявлениями, можем обсудить варианты походов. Лучше ехать в среду вечером — это время встреч байдарочников. Может быть, сразу и познакомимся, если повезёт.

Приехали в Клуб туристов. На стенде информации нашли нужное объявление с подходящим временем для нашего отпуска и категорией сложности похода. Созвонились с руководителем, узнали от него место и время встречи группы.

Собрались в подвальном помещении с гордым названием: туристский клуб «Восходитель». Низкое помещение с несколькими рядами старых стульев, а вместо сцены — письменный стол с маленькой накидной трибуной. Выступил руководитель группы Александр, представил всех участников похода. В составе группы две женщины, шесть мужчин. Руководитель раздал каждому участнику списки продуктов, которые предстояло купить. Определились

с общественным снаряжением. У нас с Колей, кроме кострового оборудования, было все своё: палатка, байдарки, верёвки, спассредства… Александр сказал, что спать будем в палатках по экипажам — по два человека. Так удобно для дежурств по лагерю. Мы с Колей — в одной лодке и в одной палатке. Меня это устраивало.

И вот, наконец мы вышли на точку старта маршрута, отмеченную на карте. Там уже расположились два лагеря. Вечерело, и мы не стали искать новое место, а установили палатки недалеко от них. Когда развели костёр, к нам подошли два парня. Оказалось, это руководители туристских групп. Разговорились, выяснилось, что группы из Москвы и Пскова, утром они отправляются домой. Из-за малой воды туристы не смогли пройти маршрут, все байдарки порвали. До них были тоже две группы, и им также пришлось повернуть назад. Так что, из опыта четырёх команд, они посоветовали нам ехать домой и не рвать байдарки. Ребята ушли в свои лагеря. Мы сидели и молча смотрели на огонь. Каждый о чем-то думал. Возможно, о том, что целый год готовились к походу, а сейчас перед нами выбор: выйти на маршрут и поломать байдарки, или, не собирая их, вернуться домой. В том и другом случае поход не будет пройден.

Наш руководитель группы Александр спросил:

— У кого какие мнения? Высказывайтесь.

Первым высказался Сергей:

— Да что тут думать! Превратить байдаки в хлам — ума много не надо. Если судить по этим двум группам, ребята не в первый раз идут в поход, опытные. И тем не менее ничего не получилось. Предлагаю ехать домой.

Другие нехотя согласились. Мы с Колей, как примкнувшие к команде, своё мнение не высказали.

— Утро вечера мудренее, — резюмировал командир. — Пойдём спать.

В палатке я обратился к Коле:

— У меня такая мысль возникла: ты парень крепкий, кандидат в мастера спорта по гребле, да и я не хилый, погоды не испорчу. Давай попросим у командира котлы, продукты на двоих и пойдём одной байдаркой в незарегистрированный поход. Он за нас уже не будет отвечать.

— Это несерьёзно. Поход категорийный, и здесь нужна страховка. Технику безопасности надо соблюдать. Но, с другой стороны, терять год тоже обидно. Давай подойдём к Александру, переговорим. Что он скажет? — мудро подытожил Коля.

Вызвали из палатки командира. Он молча выслушал наше мнение и предложил:

— Если вы такие крутые, давайте сделаем так: мы перераспределимся. У нас в команде две женщины, мою жену посадим в лодку к Коле, а Наташу — к Владимиру. Согласны?

Меня, конечно, удивило такое предложение. Это как в народном выражении: «Жену отдай дяде, а сам иди к б...» Но он никуда не пошёл, а пригласил в свою лодку Виталия. Такая замена уместна, если бы муж поссорился со своей женой. Но в данном случае со стороны выглядело не так. Он был очень внимателен к ней, видимо, его решение продиктовано соображениями её безопасности. Скорее всего, узнав, что Коля — кандидат в мастера спорта по гребле, командир решил поберечь свою любимую и отдать её в более сильные руки. И это, на мой взгляд, было большой ошибкой.

Во-первых, быть сильным на гладкой воде не означает, что Коля такой и в порожистых реках. Во-вторых, он признал себя слабым и отдал жену сильному, а женщинам это не нравится, женщины любят сильных.

Мне не хотелось расходиться с Колей по разным экипажам. Всё-таки его я знаю давно, а тут незнакомая тётка, что она может — ещё неизвестно. Хотя бравировала, что за её плечами водные походы более сложной категории, чем

предстоящий. С женщинами я в одной байдарке никогда не ходил.

— Я согласен.

— Я тоже, — ответил Коля.

В итоге: две байдарки — мужские экипажи, две — смешанные. Командир принял решение. Выходим на маршрут! У меня возникли противоречивые чувства. С одной стороны, радость, что идём в поход, с другой — тревога: сможем ли мы с партнёршей стать слаженным экипажем?

Когда вернулись в палатку, я сказал:

— Коля, нашей команде не нужны великие потрясения. В твоей лодке будет красавица, не вздумай влюбиться! В результате дуэли между тобой и командиром группа не сможет вернуться в полном составе домой.

— Сам не вляпайся. У твоей дамы тоже муж есть.

— Если у меня и будет дуэль, то только после похода, и группа не пострадает.

Природа Северной Карелии своеобразна, необыкновенно красива и сурова. Это край седых скал и величественных лесов. Это бурные реки с крутыми порогами, свежий воздух, наполненный упоительным ароматом хвои, множество озёр с речками, впадающими и вытекающими из них. Нам предстояло через несколько речек и озёр подняться в верховья реки Чела к озеру Челозеро, сделать волок по суше и спуститься по реке Нюхча к Белому морю.

Свернув лагерь, собрав байдарки, по озеру двинулись к устью реки Вожма, откуда начиналась активная часть маршрута. Моя партнёрша сидела на первом номере, то есть впереди. На её действия я смотрел критично: села в лодке очень низко, что делает её положение более безопасным, но сила гребка резко уменьшается. Так и есть — только макает весла в воду, проводки никакой. Наверняка в своих крутых «пятёрках» (пятая категория — высшая спортивная категория сложности) была в качестве рюкзака.

Подошли к устью порожистой реки. Предстояло втаскивание байдарок в крутой порог. Моя партнёрша сразу категорично отказалась от этого мероприятия:

— Я не буду таскать байдарку! Я беременна!

— Как беременна? Тебя же муж на вокзале провожал. И что? Зная про твою беременность, так спокойно отпустил тебя?

— Я тоже не буду перетаскивать байдарку! Я, хотя не беременная, но хочу ею быть, — поддержала её Галя.

— Интересно девки пляшут, — прокомментировал Коля.

— Так, беременные и жаждущие забеременеть, вылезайте из лодок, идите по берегу. А мы с тобой, Коля, вдвоём, по очереди, будем перетаскивать байдарки, — сказал я.

Режим дня был обычным для таких походов: утром — завтрак с обязательной кашей, в обед — перекус. Вечером — полный обед: суп, второе и, конечно, чай. Перед сном долго сидим у костра, сушим одежду, углубляемся в воспоминания прежних походов, рассказываем анекдоты, поем песни под гитару.

По колено в воде протаскиваем байдарки вверх по течению. Мужские экипажи почему-то отстали.

— Володя, смотри — памятник! — воскликнул Коля.

Метрах в семи от нас, рядом с водой, стоял недвижимо лось. Глаза словно стеклянные.

— Коля, мы около двух недель в пути и не встретили ни одного человека. Какой же тут может быть памятник?!

Присмотревшись, увидели на боку лося две большие кровоточащие раны. По их характеру поняли, что это медведь разорвал. Из ран капала кровь. Буквально перед нами медведь напал на лося и, наверно, увидев нас, убежал. Лось в состоянии болевого шока стоял не двигаясь.

Некоторое время мы заворожённо смотрели на лося, а он — на нас. Потом сохатый медленно повернул голову и пошёл в лес.

— Володя, наши женщины в лесу одни, медведь может на них напасть, надо предупредить, чтобы возвращались.

— Баба с возу — кобыле легче, — пошутил я. — Ну ладно, уговорил, давай вдвоём покричим, чтобы наши дамы вернулись.

Услышав отзыв и убедившись, что они возвращаются, мы продолжили разговор.

— Видимо, ты «не слежался» в своей палатке с Натальей.

— Всё-то тебе «видимо». Ты лучше с Галей «не слежись», а то уже все замечают, что у тебя с ней отношения несколько теплее, чем просто партнёрские. Сейчас ты нужен как рабочая лошадка, а к концу похода командир тебя обязательно зарежет.

— Любишь ты, Володя, всё усложнять. Она ведь ночует в палатке у мужа.

— Дурное дело нехитрое. Грех сотворить можно не обязательно в палатке.

Мне казалось со стороны, что Коля к ней действительно холоден и не проявляет каких-либо чувств, но это на берегу, в лагере, а что происходит в лодке, когда они остаются одни, неизвестно. Может, он соловьём заливается о своих чувствах к ней. На стоянках же Галина демонстративно показывала, что она неравнодушна к Коле. Возможно, у неё к нему возникло чувство, и она этого не скрывала. Но, скорее всего, хотела подразнить своего мужа, чтобы тот приревновал. Скучно ей жить без интриг. Виталий уже в открытую проявлял недовольство и даже прямо спрашивал Александра, почему он позволяет жене флиртовать и к чему это всё приведёт.

По себе знаю, что, находясь в походе, в первую неделю человек чувствует восторг от общения с природой. Радует щебет птиц, журчание воды, солнце или дождь. На второй неделе всё это становится малозаметным, будничные дела поглощают полностью. На третьей неделе чувствуешь, что

чего-то не хватает, усталость накапливается, раздражаешься по каждому пустяку, внутренние тормоза перестают работать, и тут уже недалеко до конфликта. У Виталия это проявилось раньше других. Александр со свойственной ему нордической стойкостью спокойно переносил возникшие неприятности. Но это только внешне, а что происходило у него с женой наедине, остаётся только догадываться. Утром, во время подъёма, Галина выходила из палатки напряжённой, чувствовалось, что и в эту ночь они с мужем опять «не слежались».

Сделали привал. Отдыхаем на траве. Коля положил свою голову на бедро Галине. Я лёг рядом с ними.

— Коля, тебе не кажется, что ты такой позой создаёшь неудобство для Галины?

— Галочка, тебе так комфортно?

— Да, мне хорошо.

— Вот видишь, Володя, Галочке со мной хорошо. Мы даже решили, что у нас будут мальчик и девочка.

—Давай-ка я тебе, Коля, расскажу хрестоматийные истины. Такой женщине, как Галина, нужна большая квартира в престижном районе города, такие женщины любят драгоценности и отдых на море, им нравится часто ходить в рестораны, они любят носить дорогие вещи… Они привыкли к такой жизни. А ты свою Галочку приведёшь к себе в общежитие? А по праздникам будешь водить в столовую?

—Ты мне завидуешь! И всё, что ты сейчас говорил, не про мою Галочку!

— Про твою, Коля, про твою. Вот, Галина молчит, значит, она со мной согласна.

— Ты, Володя, не романтик, — вдруг вступила в разговор Галина.

— Возможно, и не романтик. Я по гороскопу Телец, и поэтому твёрдо стою на земле четырьмя копытами и реально смотрю на жизнь. Такой женщине, как ты, Галина, нужны

богатый муж и хороший любовник. Но любовники быстро надоедают, и их меняют. Поэтому, возможно, Галина и рассматривает тебя в качестве любовника, но это продлится недолго, с тобой, Коля, будет скучно, и тебе будет найдена замена. Да, и о романтике. В Риге выходила газета «Ригас Балсс», где писали объявления о знакомствах. И вот, я прочитал одно такое объявление: хочу познакомиться с мужчиной такого-то возраста, богатым, без вредных привычек и т.д., и такое добавление: «Палатки и байдарки не предлагать». Видимо, эта женщина уже наелась романтики и ей хочется нормальной человеческой жизни. Тебе, Коля, как, впрочем, и мне, надо жениться на простой клушке, чтобы смотрела на тебя, широко раскрыв глаза от восхищения, слушала с открытым ртом и была бы счастлива от одной только мысли, что ты принадлежишь ей.

Солнце припекало, говорить ни о чем не хотелось, и я от усталости задремал.

Плывём по озеру, правильно говорить «идём». Но это у моряков так принято. А при взгляде на то, как Наталья макает весла в воду, уместнее будет сказать «плывём». Не смог я уговорить её сесть выше, чтобы сила гребка была сильнее. Зачем ей это? Я выгребу за двоих. Да и на быстринах и в порогах я один или с Колей перетаскиваем байдарки. В общем, для меня она лишний рюкзак. Вот так, по-стариковски, совсем не по возрасту, ворчал я.

— Наталья, если уж от тебя на маршруте толку мало, ты хотя бы в палатке меня не отвергала, услаждала мою плоть.

— Не могу, я ведь замужем. Как пушкинская Татьяна сказала: «Я другому отдана, и буду век ему верна».

— Так ты лучше за образец возьми Анну Каренину. Она успевала и с мужем, и с другом. Муж у тебя далеко, а я близко. Кто-то должен восполнить мои физические потери. А ты мой партнёр по лодке, тебе и флаг в руки. Тем более мы чувствуем взаимную симпатию.

— Каренина плохо кончила.

— Наш экипаж должен работать как слаженный механизм, и здесь важна любая мелочь.

— Я не механизм. Это у тебя механизм для услаждения собственной плоти. Так что решай свой вопрос в одиночку, без меня, — отрезала Наталья.

Профессия, как известно, накладывает определённый отпечаток на жизнь человека, на его мысли. В палатке Наталья стала рассказывать мне о своей работе. Оказывается, она работает в школе учителем русского языка и литературы. Вспомнил, что и я учился в школе, и как мне учителя ставили за сочинения «тройки» и даже «двойки» и писали рядом с отметкой: «Неправильно понята тема». Всё негодование от своей ученической жизни я стал высказывать Наталье.

— Ты послушай меня, Наталья, почему школьные учителя трактуют литературное произведение однозначно и никакое другое мнение не принимают?

— Мы, преподаватели, учим детей правильно понимать классиков, чтобы школьники могли отличить хорошую литературу от плохой, правильно воспринимать идеи автора. Если ученик заблуждается, надо привести его мысли в нужное направление.

— Ну, а кто определяет «что есть истинно, а что ложно»? — не унимался я.

— Есть известные литературные критики, которые хорошо раскладывают всё по полочкам, помогают разобраться в том или ином произведении.

— Классика потому и классика, что востребована во все времена. Нравственные понятия не меняются. Но меняется жизнь людей, меняются их отношение друг к другу. Поэтому то, что прописано критиками много лет назад, не может быть незыблемым, должны быть новые прочтения, — продолжал я.

— И ты хочешь сказать, что, будучи школьником, ты делал новые прочтения литературных произведений? Не верю.

— Ну, давай, я приведу на примере пьесы Горького «На дне» некоторые свои измышлизмы в моем школьном сочинении. Учительница представила двух главных героев ночлежки так: Сатин — чуть ли не глашатай революции, а Лука — утешитель, уводит людей от решения социальных проблем. А я написал, что Сатин — молодой и сильный мужик, работать не хочет и призывает не работать других, живёт в ночлежке на пособие, семью заводить не желает. И кто он после этого? Просто бездельник, оправдывающий такое своё существование революционными лозунгами. А Лука, несмотря на свой старческий возраст, занимается общественной работой — успокаивает людей, отговаривает от необдуманных шагов. Вот примерно такое сочинение я написал и за это получил «двойку». Люди разные. Почему мы все должны одинаково мыслить?

— Ну, и что ты хотел? Революция — это ломка всего старого, в том числе и понятий, человеческих отношений.

— Ну, хорошо. Теперь можно свалить все на революцию. А возьмём толстовскую любимицу Наташу Ростову. Я не хотел бы, чтобы моя будущая жена была похожа на неё.

— Чем тебе Наташа Ростова не угодила?

— Она отправила своего друга на войну, а сама увлеклась другим. Она просто самка, и нет ей никакого оправдания. А возьмём другую его любимицу — Анну Каренину. Замужняя женщина, венчанная в церкви, мать своего сына, должна быть верной супругу, своей семье. А что делает она? Связалась с молодым офицером, запуталась в своих чувствах, забыла о долге жены и матери, бросается под поезд, пытаясь решить таким образом созданную ею же проблему. И за что я должен любить и уважать эту героиню романа?

— А ведь совсем недавно ты предлагал мне брать пример с Анны Карениной!

— Мужчина состоит из противоречий. В этом его природная суть.

Наталья посмотрела на меня по-другому. Раньше, как мне казалось, я представлялся ей похотливым мужичком, а тут она увидела человека, который способен к рассуждениям, пусть ошибочным, примитивным, на её взгляд. Слишком упрощённо смотрящего на жизнь человека, но пытающегося разобраться в возникающих вопросах.

Вот и закончилась «встречка». Под «встречной» я имею в виду протаскивание байдарок навстречу течению. Тут хочу пояснить, что мы не всё время тащили лодки — были участки воды спокойные, встречались озера, где двигались обычным ходом, с обычной греблей. А теперь нам предстоял волок в шесть километров по лесу и болоту. Сделали дневку. В этот день нам нужно было разобрать, высушить и упаковать байдарки в специальные рюкзаки, постараться вкусно поесть и просто отдохнуть. Чтобы обед и ужин сделать праздничными, Виталий с Костей пошли ловить рыбу. Тушёнка уже изрядно надоела. Наталья в этот день мне активно помогала, навела порядок в палатке. Наши отношения с ней стали заметно теплее, напряжённость исчезла, при общении со мной она всё чаще улыбалась, шутила, напрашивалась на комплименты.

На следующий день начали пешее продвижение на реку Нюхча. Мой рюкзак весил примерно тридцать килограммов, байдарка с юбкой и фартуком — около тридцати пяти килограммов. Лодку я катил на тележке. Это было значительно легче, чем всё навешивать на себя. Легко катить тележку с байдаркой в городе по асфальту, а в лесу она постоянно переворачивалась, что тормозило продвижение, да и физических усилий требовалось значительно больше. Наталья подбадривала меня, помогала переворачивать опрокинутую тележку, предлагала бутылку с водой.

На нашем пути повстречалась избушка, сложенная из тонких брёвен. В избе оказались мужчина и женщина лет тридцати пяти.

Познакомились. Его звали Павел, его жену — Полина. В разговоре выяснилось, что это сезонные рабочие по заготовке живицы. В этот день они сделали себе выходной. А обычный рабочий день у них начинается с раннего утра и длится до вечера. Вечер определяется по часам, а не по солнцу, потому что летом здесь период белых ночей. Работа состояла в том, что на хвойном дереве надо сделать по два надреза в виде перевёрнутой ёлочки, а внизу должна быть прикреплена металлическая воронка, куда и стекает живица. И таких деревьев за день надо обработать как можно больше. За летний сезон нужно собрать большую бочку этой смолы, каждая последующая бочка оплачивается по двойному тарифу, поэтому материальная заинтересованность велика. Живица недаром так называется в народе, она используется не только для приготовления канифоли и скипидара, но и в медицинских целях.

Сказать, что в Северной Карелии много комаров, — это ничего не сказать, они роятся так, что заслоняют солнце, поэтому работать приходится в брезентовых костюмах, накомарниках и перчатках. Надрезы делают специальным инструментом. Я облачился в этот костюм и попытался сделать несколько надрезов — это очень тяжёлая работа. Об этом я и сказал своим новым знакомым. Они согласились со мной. Вечером после работы, приходя в свою избушку, переступив порог, падают на пол от усталости. Проспав час-два, начинают готовить ужин. Людей в течение всего сезона не видят, поэтому нашему приходу очень обрадовались. Им хотелось общения, но нам нельзя было долго задерживаться — у нас график продвижения по маршруту.

Поблагодарив, мы двинулись дальше. Но вдруг Полина схватила мою тележку и водрузила себе на плечи. Павел тоже взгромоздил на себя Колин рюкзак с байдаркой — им захотелось нам помочь. А путь предстоял сложный, по болоту. Ноги проваливались в мягкий сырой мох, и каждый

шаг давался с трудом. Был большой риск упасть в болотную жижу.

Добравшись до реки, мы без сил рухнули на твёрдую землю и несколько минут лежали не шевелясь. Затем стали собирать байдарки. Павел и Полина помогали нам, им это было очень интересно. Мы все так расчувствовались, что командир вытащил из аптечки весь спирт в надежде, что он нам больше не пригодится. Разгорячённый ужином и выпитым спиртом, Павел поднял тост: «Ребята, мы долго не видели людей, нам с Полиной было очень приятно с вами общаться, вы нам устроили праздник! За вас! Чтобы этот маршрут и все последующие в вашей жизни заканчивались успешно!»

Только здесь, в лесу, я понял истинную ценность человеческого общения.

Подошли к порогу, который по техническому описанию маршрута надо осматривать с берега. Этого требовала техника безопасности. Шум бушующей воды стоял невообразимый. Вся наша группа пошла смотреть порог. Длина его была не более ста метров, но выглядел он внушительно. Ко мне подошёл командир и спросил:

— Ты как?

— Страшно, — честно сознался я.

— Что делать будем? Обносить? Проходить? — спросил Александр.

— А что люди говорят?

— Они сказали, что надо обносить. А твои предложения?

— Ну вот, всё и разрешилось — вещи и две лодки переносим по берегу, а мы с тобой будем проходить порог. Народ, чтобы почувствовал сопричастность, встанет на страховку: один экипаж страхует с воды, другие наши товарищи — с суши. С берега видно, что в одном месте надо повернуть направо, в другом — налево. Когда будем проходить, с воды эти точки можно не увидеть, поэтому, на мой взгляд, надо

поставить на берегу регулировщиков, которые и укажут куда двигаться. Проходить будем без вещей, пустая байдарка лучше слушается. Ты посмотришь на моё прохождение с берега, скорректируешь свои действия и пойдёшь тоже один.

— А может, вместе в одну лодку сядем?

— Не стоит, мы с тобой вместе не ходили, не сработались, не будем рисковать. Да и мне спокойнее, если я буду знать, что ты на страховке. Если не пройдём порог, нам маршрутно-квалификационная комиссия не зачтёт категорию. Я по твоей просьбе высказал свои соображения, но принимать решение тебе — ты руководитель группы, отвечать будешь ты. Так что собирай группу и выноси своё решение.

— Хорошо, так и поступим, — заключил Александр.

Мне понравилось, как провёл собрание командир. Спокойно разъяснил ситуацию, рассказал, кому что делать, как поступить в случае переворота байдарки и как проводить спасательные работы. Указал на меня, что я должен буду первым входить в порог, затем он.

Я сел в байдарку и почувствовал, что психологический маятник во мне качнулся в другую сторону. Страх был замещён желанием ринуться в непроходимую часть порога. Но я себя сдержал, сделал несколько манёвров на гладкой воде, чтобы почувствовать лодку в одиночном прохождении, увидел от своих товарищей знак готовности… и пошёл. Бросил взгляд на кипящую воду, на регулировщиков, стоящих на берегу, ощутил радость от преодоления бурлящих потоков. Из-за стоячих валов действительно было сложно увидеть два поворота. Азарт прохождения затмевал сознание. Хотелось кричать, чувствуя кайф. Всё получается! Всё идёт как надо! И даже от мысли, что товарищи, стоящие на берегу в этот момент, завидуют мне, хотелось выглядеть красиво и вдохновенно.

Командир наш, со свойственной ему природной уравновешенностью, прошёл порог спокойно, без суеты и азарта, так показалось со стороны. Я контролировал его прохождение,

идя по берегу параллельно движению байдарки и готовясь, в случае переворота, начать спасательные работы. Но всё обошлось.

После прохождения порога, чтобы не укладывать вещи в байдарку и не вытаскивать их снова через два часа, решили остановиться на ночлег. Место было красивое.

Вечером я сидел на камне возле реки и смотрел на бурную воду. Никто не отвлекал, все мои товарищи были в лагере у костра. Захотелось побыть одному, посидеть, помечтать. Солнце уже почти скрылось за горизонт. Ветер утих. Природа успокаивалась и готовилась к ночи. Только шум порога диссонировал с умиротворяющей картиной. Под грохот воды в моей голове зазвучала красивая спокойная мелодия, которая приводила меня к равновесному психическому состоянию. Я назвал её «Карельским ноктюрном». Жаль, что не знаю нотной грамоты, а то бы записал её на бумагу. Моё восхищение природой воспринимается через музыку. Природа как бы входит с музыкой в унисон, становясь единым целым, приводящим меня к состоянию безмятежности.

Прошло три месяца после завершения похода. Командир пригласил всех участников к себе домой, чтобы выдать справки о прохождении спортивного похода, обменяться фотографиями и отметить успешное завершение путешествия. Пришли все, кроме Коли. Его не пригласили. Наталья пришла с уже наметившимся животиком. Я увидел взгляд Виталия, который смотрел на живот Натальи и на меня, и в этом, как мне показалось, он улавливал определённую связь. Но никаких комментариев ему я не дал. В этот вечер всем было весело. Чувствовалось, что у Александра и Галины всё хорошо. С Натальей за столом мы сидели рядом, легко и свободно разговаривали, договорились даже в будущем поддерживать общение. Александр мне, единственному из группы, подарил отчёт о прохождении маршрута. Я так понял, что это был жест благодарности.

Я сидел и пытался понять: почему Александр посадил свою жену в байдарку к Коле? Почему не реагировал, когда она с ним флиртовала? Даже когда Виталий давил на него, чтобы тот как-то среагировал, он оставался внешне спокойным и не давал воли эмоциям. Я могу только предположить, что раскол между Александром и Галиной произошёл ещё в городе («семейная лодка разбилась о быт»). И, чтобы выйти из создавшегося положения, они решили сменить обстановку, окружающих людей. А если бы на виду у команды командир попытался заняться разборками, то на семейных отношениях можно было поставить крест. Все его действия оказались верными, он отстоял свою жену, и я сейчас наблюдаю за двумя счастливыми людьми.

А какие итоги могу подвести лично я? Поход состоялся, все участники довольны, никаких трагедий не случилось. В этом была и моя маленькая заслуга.

По окончании встречи я шёл один через парк Лесотехнической академии к станции метро «Лесная». Нахлынувшие воспоминания, тихая погода, уснувшие деревья вернули моё душевное состояние в тот вечер, когда я сидел один у реки и смотрел на воду. Как и тогда, в моей голове зазвучала мелодия, которую я в то время назвал «Карельским ноктюрном».

НА ШПИЦБЕРГЕН!

«Привет, Ирина!» — по статусу и по возрасту правильно было бы обращаться к ней Ирина Николаевна. Но во время знакомства она представилась Ириной, значит, ей хотелось, чтобы я называл её именно так.

— Ирина, я хочу тебе сделать предложение, — продолжал я, — да подожди, не падай в обморок. Ты не о том подумала. Ты мечтала увидеть Норвегию, а я — архипелаг Шпицберген. Это, кстати, тоже Норвегия. Наши желания совпадают. Есть круиз на теплоходе из Гамбурга на Шпицберген и обратно. Мы увидим всю страну с юга на север. Сразу не говори «нет», скажешь «да» послезавтра утром.

— Почему послезавтра? И почему утром? — спрашивает Ирина.

— Завтра ты внимательно ознакомишься с круизом, вечером, после работы, будешь чувствовать себя усталой и думать не о путешествии, а о диване. А утро вечера мудренее, свежая, энергичная, позвонишь мне и скажешь «да».

Но Ирина позвонила на следующий день, а точнее вечером.

— Почему звонишь вечером? — спрашиваю её.

— Я не стала ждать завтрашнего утра, я согласна. Но у меня есть вопрос: ты не будешь возражать, если мы встретимся с немецкой семейной парой в Гамбурге? И с другой парой при возвращении из круиза? Это мои друзья.

— Я не против, мне нравится знакомиться с новыми людьми, — ответил я.

После этого разговора стало как-то не по себе. Будет ли мне действительно интересно и комфортно общаться с немцами? Война закончилась давно, но она коснулась и моей семьи, как и многих других советских семей. Дед мой был механиком на пароходе и во время войны работал на буксире, таскал баржи с грузами для блокадного Ленинграда.

Отец пошёл по его стопам и тоже стал механиком, также работал на Дороге жизни. Для немецких самолётов буксиры с гружёными баржами были хорошей мишенью. Дед погиб.

У матери другая история. До начала войны она дружила с офицером, и у них было в планах пожениться. Но её отец был против, объясняя тем, что военные для создания семьи — не самое лучшее решение. Но, несмотря ни на что, она не смогла бросить своего любимого. И даже когда началась война, она пошла добровольцем на фронт, чтобы быть с ним рядом. Дослужилась от рядового до командира взвода. Мать мало рассказывала про войну. Но что меня в её рассказах удивляло — находясь рядом с любимым, она все делала, чтобы ему нравиться. У неё были длинные волосы, а ухаживать за ними в лесу очень сложно. Но она не стала делать короткую стрижку, а каждый день гребнем вычёсывала из волос лесных насекомых. Бегала в самоволку в деревню, где был парикмахер, делать причёску, хотя знала, что немцы по этой деревне стреляли из орудий прямой наводкой. Шли жестокие бои, и военная часть, где служила мать, была уничтожена. Она и её подруга по взводу выходили из немецкого окружения и оказались в Вологодской области, в городе Сокол. Там, в деревенском доме, их приютила семья. После долгих скитаний девушки были грязными, и хозяйка дома, прежде чем посадить за стол и накормить двух изголодавшихся подруг, предложила им помыться в русской печи. Девушки были удивлены: как можно залезть в печь и мыться там? Но всё получилось.

Любимый погиб на Чёрной речке в Киришском районе. Закончилась война, прошли годы, мать вышла замуж за моего отца. Но перед смертью она просила похоронить её рядом со своей первой любовью, что мы, её сыновья, и сделали.

У моего деда по материнской линии было десять детей: две девочки, остальные парни. Все сыновья прошли через

войну, только двое остались живы. Но война для них не закончилась в мае сорок пятого. Дядю Ваню во время боя оглушило разрывом снаряда, и он попал в плен. А когда сбежал от немцев и пришёл к своим, чтобы продолжить службу, ему сказали, что он — офицер и должен был пустить пулю себе в голову, но в плен не попадать. Лишили офицерского звания, всех орденов и медалей, отправили служить в штрафную роту, чтобы кровью смыть «позор». Но ему «не повезло», его даже не ранили, и вынужден он был до 1953 года, до смерти Сталина, строить Комсомольск-на-Амуре. Только в восьмидесятых годах пригласили в военкомат, извинились, обещали вернуть звание и награды. Но дядя Ваня отказался, объяснив, что всю жизнь ходил в предателях Родины и не нужны ему теперь никакие извинения. Помню, ещё в моем детстве дядя Ваня и его семья приехали к нам в гости. За столом после тостов за встречу, за здоровье отец под гармошку стал петь военные песни «Эх, Ладога, родная Ладога!..», а потом «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина!..». При этих словах дядя Ваня встал и вышел на улицу. Про Сталина ничего не хотел слышать. Люди того поколения по-разному относились к Сталину.

Многие судьбы были покалечены войной. Младший брат матери, Павел, встретил Великую Победу в Молдавии. После войны там свирепствовали бандеровцы, убивали советских солдат и особенно офицеров. Дядя Павел, будучи офицером, в соответствии с приказом командования должен был сдать оружие, но, чтобы выжить в этих условиях, он всегда носил при себе пистолет. Однажды патруль остановил его и за такое нарушение дядя Павел был посажен в тюрьму на пять лет. Всё это время его навещала любимая девушка, молдаванка Нина. После освобождения они поженились.

И что же? Я забыл историю семьи и легко согласился с предложением Ирины? А как же сама Ирина? Она жила

в Ленинграде всю блокаду, с первого до последнего дня. А теперь дружит с немцами?

Вот такие мысли меня тогда посещали.

Немцы, культурнейшая нация по сути своей, организовали в концентрационных лагерях конвейер смерти. Как это стало возможным?

В юности мне довелось побывать в детском зале музея Военно-медицинской академии у Витебского вокзала. Там демонстрировались вещи детей, которые остались после их ликвидации в печах фашистского концлагеря. Было представлено мыло, изготовленное из останков детей. Не всех пускали в этот зал: от увиденного некоторые посетители теряли сознание. Фашизм и нация — понятия разные, и эти понятия нельзя смешивать. Немцам стыдно за своё прошлое, и они стараются всё сделать, чтобы этот ужас больше никогда не повторился.

После долгих размышлений я решил ехать.

В аэропорт Пулково я приехал чуть раньше назначенного времени, а Ирина, как свойственно женщинам, немного опоздала.

— Едем! — была её первая фраза.

— Не знаю…

— А что случилось?

— На табло нет нашего рейса.

Прошли камеру проверки багажа и обратились к дежурной.

— Что с нашим рейсом?

— Рейс отменен, ваши билеты будут действительны на завтрашний день в это же время, — ответила девушка за стойкой.

— Нас это не устраивает, мы в этом случае не успеваем на корабль.

— Ничем помочь не могу.

— А можем мы обратиться к кому-нибудь из руководства аэропорта? — пытаюсь хоть как-то разрешить возникшую проблему.

— Сейчас ночь, есть только старшая дежурная.

Пошли искать старшую, но, найдя её, ничего нового не услышали. Рижская авиакомпания отменила рейс, а нас об этом никто не предупредил.

— Ситуация безвыходная, мы не успеваем на теплоход, — сказала Ирина.

— Ты посиди с вещами, а я ещё попытаюсь что-нибудь сделать, — ответил ей.

Я подошёл опять к старшей дежурной и попросил связаться с Ригой, чтобы объяснить нашу проблему.

— У меня есть инструкция, по которой я не имею права заниматься международными разборками, — сотрудница аэропорта была категорична.

— Тогда дайте мне номер телефона Air Baltic, и я сам буду с ними разговаривать.

— Я не имею права давать служебный телефон Риги.

— У вас утром будут неприятности от вашего руководства: не смогли нам помочь и даже не дали телефон, чтобы мы сами имели возможность с ними договориться.

Она постояла некоторое время в задумчивости, потом дала номер телефона и попросила, чтобы я никому об этом не говорил. Звоню со своего мобильного телефона. Трубку взял мужчина, я объяснил ему создавшееся положение, он попросил меня подождать минут пятнадцать. Через несколько минут сотрудник Рижского аэропорта перезвонил и спросил:

«У вас рейс на Гамбург с пересадкой в Риге? Вы не будете возражать, если мы предложим вам прямой рейс на Гамбург? Вылет через три часа».

«Ну что с вами сделаешь, — пошутил я. — Мы согласны».

У старшей дежурной я попросил книгу жалоб, сказав ей,

что хочу написать благодарность. Она долго искала эту книгу, а я терпеливо ждал. Но не нашла, не поверила, что я напишу благодарность, а не жалобу. Тогда я попросил чистый лист бумаги и на нем написал добрые слова. Сотрудница аэропорта была очень удивлена. Почему я это сделал? За плохую работу написал хороший отзыв. Что за оригинальность? Откуда это пошло? В далёкие восьмидесятые годы я перешёл работать в небольшую организацию, где все друг друга знали в лицо. В столовой повара на раздаче, видимо, приняв меня за командировочного, дали не совсем свежее мясное блюдо. Выйдя из столовой, не пройдя и трёх метров, я оставил содержимое своего желудка на земле. Вернулся и написал… благодарность. На следующий день на кассе выбил чек за шницель стоимостью 35 копеек, а на раздаче мне предложили антрекот за 45 копеек. Я не возражал. И в дальнейшем я выбивал чеки за дешёвые блюда, а мне давали более дорогие. Но регулярно, через 3—4 месяца, писал хорошие отзывы. Таким образом поварихи выработали во мне условный рефлекс на написание благодарностей.

После посадки в самолёт ни о чем не хотелось думать. Была ночь, тянуло ко сну. А думать как раз и надо было. Ведь, как говорится, «гладко было на бумаге, да забыли про овраги».

Когда наш самолёт приземлился в Гамбурге, Ирина сразу стала звонить по мобильному телефону своим немецким друзьям, которые должны были нас встречать в аэропорту. Ответа не было. Она стала уже волноваться, не случилось ли с ними что, все-таки люди уже немолодые. Ночь накладывает свой отпечаток на людей. Немцы, отправляясь в аэропорт, забыли дома телефоны, а мы, в свою очередь, не сообразили, что самолёт из Риги, на котором мы должны были прилететь, приземлился раньше нашего. Ирина не сообщила из Пулкова в Германию об изменениях в рейсах, чтобы не будить своих друзей. А немцы, не встретив нас

с рижского самолёта, сели в машину и уехали домой. Дома они увидели на телефоне непринятый звонок, отзвонились и вернулись в аэропорт.

Познакомились: его звали Герман, её — Инесса. Иринины друзья повезли нас на своей машине по городу, показывали достопримечательности. Гуляли, фотографировались, снова ехали. Остановились возле ресторана у озера в центре города. Заказали обед. Беседа проходила легко. Правда, я больше слушал, наблюдал за ними. Слышал, что на Западе в ресторанах каждый рассчитывается сам за себя, достал кошелёк. Немцы замахали руками: «Вы наши гости, мы вас угощаем». Ирина со свойственной ей дотошностью стала торопить: «Пора ехать на корабль, надо ещё пройти регистрацию». В дороге они углубились в воспоминания прошлых встреч. Я молчал и смотрел по сторонам. У теплохода тепло распрощались.

Первая стоянка в нашем круизе — норвежский Берген, старинная столица страны. Красные и бежевые домики рассыпались по побережью и ближайшим зелёным холмам, словно клюква на мху. Небо затянуто до горизонта плотными тучами, и разноцветье домов скрашивает серую картину города. Я настолько впечатлился увиденным, что в моей голове зазвучала музыка Эдварда Грига, родившегося в этом славном городе. Во время прогулки по узким улочкам Бергена меня преследовала его «Песня Сольвейг». Звучание мелодии как бы растворило меня в атмосфере города. Постоянно моросил дождик. Недаром считается, что Берген — самый дождливый город Европы. Вспомнился услышанный где-то анекдот:

«В Бергене турист спрашивает мальчика:

— Мальчик, я живу в вашем городе уже третий день, и постоянно идёт дождь. Он когда-нибудь заканчивается?

— Не знаю, господин, мне всего восемь лет, — отвечает мальчик».

Были ещё две остановки в городах Олесунн и Тромсё, где для нас организовали экскурсии к водопадам, красивейшим фьордам. Мы прокатились по видовой железной дороге Фломсбана, испытали острые ощущения на Дороге орлов.

Путешествуя по Норвегии, я поймал себя на мысли, что она очень напоминает мне Новую Зеландию: такие же водопады, такие же горы, такие же фьорды, с той лишь разницей, что в Новой Зеландии природа все же побогаче будет. Но здесь, в Норвегии, своя красота, северная, и она вызывает восхищение.

Последняя остановка на материковой части перед Шпицбергеном — мыс Нордкап. Его условно считают самой северной точкой Европы. Фактически самой северной континентальной точкой Европы является мыс Нордкин. Справедливости ради надо сказать, что мыс Нордкап находится на острове, как и мыс Горн, считающийся самой южной точкой Южной Америки. Возможно, выбор Нордкапа в качестве самой северной точки Европы, а не Нордкина, вызван тем, что остров Магерё, где расположен мыс Нордкап, отделен от материка очень узким проливом, а сам мыс — удобная ровная площадка с резким обрывом, что очень привлекает туристов. Им нравится обозревать океан с трёх сторон и делать памятные фотографии.

Вот и Шпицберген. Посёлок Лонгйиир находится рядом с причалом.

«Владимир, пойдём с нами покорять гору», — сказал мой новый знакомый по теплоходу Виктор. Меня эта фраза оттолкнула от него. «Нет, спасибо. Мы с Ириной решили погулять по посёлку». Меня покоробило слово «покорять». Это звучит как-то неэтично по отношению к горе. Человек против горы — словно песчинка. И тут вправе говорить: «Гора допускает его к себе или не допускает». Было бы правильно сказать: «Совершить восхождение». У меня такие мысли

родились не сейчас, а ещё раньше, в Гималаях, когда я сидел у палатки, а надо мной возвышались восьмитысячники.

Архитектура Лонгйиира, если уместно применить данный термин, очень напоминает заполярную Гренландию. Такие же маленькие домики, так же у входа стоят снегоходы — и это летом. Гаражей нет. Маленькие магазинчики. На улицах безлюдье. Куда народ исчез? Создалось впечатление — жизнь в посёлке остановилась.

— Ирина, а не пойти ли нам с тобой в гору? А то совсем тоскливо стало.

— Пойдём, только я не могу так медленно ходить, давай быстрей.

— Хожу, как умею. Я тебя удерживать не буду, но когда ты выдохнешься, жди меня, одна не спускайся, для тебя это опасно. Или присоединись к кому-нибудь.

Народ медленно поднимался в гору, на отдельных крутых склонах — даже на четвереньках. Кто-то уже спускался. Впереди увидел сидящую на камне Ирину. На мой вопрос: «Ты как?» — глубоко дыша, ответила:

— Всё, вверх ни шагу!

— А я — к вершине.

На вершине была сложена пирамида из камней и рядом прикреплён ранец, вероятно, для записок восходителей. Люди фотографировались на фоне заснеженных вершин. Несмотря на небо, покрытое тучами, пейзаж был великолепен. Я пришёл в полный восторг! Вспомнились слова Роберта Рождественского: «Заболел… заболел я Арктикой! Не зовите ко мне врача». Впереди виднелась более высокая гора. Но туда почему-то никто не шёл. Я немного постоял и подумал, что буду жалеть потом о несостоявшемся восхождении. И пошёл. За мной двинулись парень с девчонкой студенческого возраста, судя по языку — итальянцы. Они обогнали меня, потом остановились выпить воды. Затем я вышел вперёд. Так и шли мы втроём в гору, обгоняя друг

друга. А потом — вниз. Когда окончательно спустились, я жестом поблагодарил ребят за компанию. Несмотря на их молодость и относительно небольшой жизненный опыт, итальянцы оказались умнее меня. На Шпицбергене на две тысячи населения приходится четыре тысячи белых медведей. Мною одним мишка не побрезговал бы, а на троих вряд ли решился бы напасть.

При спуске с горы заметил, что те, кто поднимался вверх, не уступали дорогу спускающимся. А в древние времена люди, идущие в Рим, уступали дорогу выходящим из города, ведь те были уже римлянами. Вот такие неожиданные ассоциации возникли в тот момент.

Под горой стояла небольшая группа туристов, готовая пойти на восхождение. Рядом с ними были два человека с винтовками и гид с ракетницей. И это правильно, люди обеспечили себе безопасность от нападения медведей. Мне вспомнилась Австралия. На побережье океана отдельные участки пляжа были ограждены для купания буями и сетками от попадания в эту зону акул. Но народ купался везде. Я тогда внутренне возмущался глупостью людей, ведь акула может откусить руку, ногу или кое-что более существенное. А сейчас сам почему-то проигнорировал элементарную технику безопасности и полез в гору без охраны.

Теплоход отплывал от причала Лонгйиира. Туристы стояли на палубе и наблюдали за этим действом. Рядом со мной оказался немец средних лет. Мы переглянулись, и, чтобы заполнить затянувшуюся паузу, я произнёс:

— Жаль, что не увидел белого медведя, а ведь за этим только сюда и ехал.

— Радуйся, что не увидел. На белого медведя надо смотреть в зоопарке. Лично я приехал посмотреть на северную природу, — успокоил он меня.

— Здесь был такой случай, — продолжал немец, — один американец чуть отделился от группы, поднимающейся

в гору. Ему захотелось сделать снимок белого медведя, который находился примерно в трёхстах метрах от него. Гид крикнул американцу, чтобы вернулся к группе, но тот отмахнулся. Вдруг мишка резко побежал на человека. Два стрелка, сопровождавшие группу, выстрелили из винтовок, но медведь успел снести голову незадачливому фотографу. Белый медведь питается только плотью, не рыбой, не чем-то другим, только нерпой, но может и на человека посягнуть.

Рассказ собеседника меня взволновал и в то же время примирил с мыслью, что я не достиг главной цели своей поездки. Попрощавшись с новым знакомым, пошёл искать Ирину.

Сидим с Ириной в шезлонгах на палубе корабля и смотрим на Гренландское море. И сейчас, и за время пребывания на Шпицбергене солнце не появилось даже на минуту, как будто его здесь не существует. Всё небо в облаках.

— Владимир, в магазинах Лонгйиира на многих изделиях я видела бренд: «Следующая остановка — Северный полюс», то есть дальше земли уже нет. Но мы не встретили на море ни единой льдинки, не говоря уже об айсбергах.

— Перед поездкой я почитал «Википедию». Там написано, что всё Гренландское море — во льдах, и есть множество айсбергов. Я даже в турфирме спросил, насколько опасным будет плавание. Но сотрудница заверила, что это совершенно безопасно. Правда, про «Титаник» так же говорили, а это было значительно южнее, в Атлантическом океане.

— У тебя были сомнения, и ты потащил меня в этот круиз?

— Но девушка была убедительна в своих доводах. И, как мы видим, море совершенно свободно ото льда. Мы являемся свидетелями глобального потепления. Интересную версию я читал: при таянии гренландских ледников, а они достигают толщины трёх километров, тёплое течение Гольфстрима будет охлаждаться, что повлияет на климат Европы в сторону похолодания. В этом мы можем убедиться

в период ледохода на Неве. В это время в городе становится холодно. Больше того, скажу, что уровень мирового океана повысится, и некоторые приморские города затопит: Нью-Йорк, Санкт-Петербург. Мне даже довелось видеть плакат в одной коммерческой фирме, где указаны предполагаемые даты затопления.

— Так, может, уже подыскивать жильё где-нибудь на Валдайской возвышенности? — с юмором спросила Ирина.

— Все потепления и похолодания на Земле происходят циклично. Так что не успеет залить, как начнётся похолодание, и никакого потопа не будет. Спи спокойно.

— Спасибо, успокоил. А то я уже задумалась, какие вещи взять с собой при эвакуации от потопа, — ёрничала Ирина.

Видимо, мои разговоры про климат и погоду были для неё нудными, так как не имели практического значения для выращивания огурцов на её дачном участке. Но я не смог уже остановиться. Меня понесло.

— Ирина, ты можешь представить, какое огромное значение имеет Гольфстрим? У восточных берегов Гренландии море свободно ото льда, а на западе в это время года в море Баффина и в проливе Дэвиса всё забито льдом и много айсбергов. И лёд очень толстый, не такой, как у нас на Неве. Пять лет назад, когда мы плыли на маленьком судёнышке вдоль берегов Гренландии, я уже думал, что нас затрёт льдами и мы самостоятельно не сможем выбраться. Кстати, могу показать фотографии, как я купался среди льдов за Полярным кругом. С берега мне показалось, что глубина небольшая, примерно по грудь, и я нырнул солдатиком. Резко погрузился, но дна так и не смог достать. Эффект чистой воды даёт обманчивое восприятие глубины. Меня немного отнесло течением, обжигающе холодная вода заставила мощно грести к берегу. На фотографии видно, что лицо моё было перекошено от холода. Я не учёл, что морская вода замерзает при температуре ниже нуля градусов в зависимости от солёности.

— Ты про Гольфстрим прочитал в докладе учёных из Великобритании? — опять съязвила Ирина.

— А при чём тут учёные из Великобритании? — ответил я вопросом на вопрос.

— Да над этими учёными уже все смеются. Впору создать цикл анекдотов, как про Чапаева. Ну, например: «В результате многолетних исследований учёные Великобритании выявили, что собаки лают, а кошки мяукают».

— Забавно. Но, прежде чем смеяться над этими учёными, надо посмеяться над собой. Когда я учился в институте, наш преподаватель по физике рассказывал, что в век открытий учёные-физики называли единицы измерения открытых ими явлений своими именами. Так появились джоуль, фарадей, ньютон и т.д. И в этом перечне есть только одна русская единица измерения — это «лошадиная сила», да и та, если мне не изменяет память, придумана шотландским инженером Джеймсом Уаттом. Довелось мне побывать в Дублине в библиотеке университета Тринити-колледж. Она входит в пятёрку самых больших библиотек мира. Там по всей длине галереи установлены бюсты великих учёных и мыслителей. Никого из России нет. Искал среди них Ломоносова, Менделеева, но напрасно. В нашей стране было много больших учёных, в том числе лауреатов Нобелевской премии. Но как-то скромно они заявляли о себе миру.

— Ну, вот и начни с себя, открой что-нибудь и назови своим именем, — не унималась язвить Ирина.

— Знаешь, о чём я сейчас подумал? Надо осваивать Арктику. Вот мы с тобой приехали на Шпицберген от иностранной туристической компании. А почему не от российской? Да потому что россияне организуют туры на Шпицберген, Землю Франца Иосифа, Новую Землю один раз в год, и цены такие, что поехать могут себе позволить только олигархи или депутаты. Надо развивать арктический туризм, тогда не потеряем русскую часть Шпицбергена и освоим другие

территории. Будет туризм — будет создаваться и инфраструктура вокруг него, значит, люди будут трудоустроены. Вот тебе и освоение территории.

— Ну, ты разошёлся. Тебе сейчас дать трибуну и графин с водой, так ты бы на несколько часов устроил митинг. Может, хочешь стать начальником Арктики? И уже есть программа по её освоению?

— Обидно. Как сказал один герой фильма: «За державу обидно». Каждый должен заниматься своим делом. А комплексная программа действительно должна быть, и в ней надо найти место не только предприятиям по добыче нефти, газа, угля, но и арктическому туризму. Наши и иностранные туристы ездят по африкам и азиям, а могли бы путешествовать и сюда. Я встретил на Аляске двух женщин из Норильска. С каким восторгом они рассказывали о своём путешествии на корабле по Северному морскому пути! Сознаюсь, я им очень завидовал. Кстати, они там познакомились с известным писателем-маринистом Виктором Конецким. Я им в своё время зачитывался.

— Любишь ты разглагольствовать, Володя. Может, тебе в депутаты пойти? Правда, я надеюсь, что скоро всем депутатам зарплату будут платить как бюджетникам. Ведь, по сути, они таковыми и являются. Так что не надейся на лёгкие барыши.

— А тебя хлебом не корми — дай съязвить. И за что ты так не любишь депутатов? Они работают в силу своих возможностей, ведь в Думе кто заседает? Бывшие спортсмены, актрисы, певицы. Их надо пожалеть, а не ругать. Ну что с них взять?

На корабле мы обычно выбирали ресторан, где был «шведский стол». Выбор был сделан не из категории «лучше — хуже», а скорее «свободнее». Еду можно увидеть своими глазами, а не виртуальное описание блюда в меню. Да и садились обычно у окна, напротив друг друга, а не как в ресторане: куда посадит официант, там и сидишь.

В этот раз тоже сидели у окна, разглядывая морские пейзажи и временами обмениваясь необязательными фразами. Со стороны Ирины подсел со вкусом одетый немец лет шестидесяти. Почему-то сел рядом с ней, хотя место с краю было свободным. Видимо, захотелось ему с нами пообщаться. Он в упор смотрел, как она аппетитно поедает набранные на тарелки разносолы. Ирина то ли не замечала его, то ли делала вид, что не замечает этот сочувствующий взгляд.

Немец спросил её:

— Вы в России эти продукты не едите?

— Нет, едим. У нас всё есть, — патриотично ответила она.

Я по-русски заметил:

— Эти немцы думают, что мы у себя на родине едим только картошку с селёдкой и запиваем водкой. Вот такой примитивный взгляд на нашу Россию. Надо нам налаживать культурные связи между двумя народами, чтобы лучше узнавать друг друга, — совсем уж по-государственному закончил я.

Теплоход причалил к пирсу Гамбурга. В морском порту нас встретила другая немецкая семейная пара. Его звали Петер, а её — Грета. Они жили в маленьком городке Утерзен, что находится недалеко от Гамбурга. В пути немцы поочерёдно рассказывали о своём городке. С их слов, он является европейской столицей роз. Не заезжая домой, решили прогуляться по городу. Много ходили пешком, рассматривали каждую розу в отдельности. Рядом с каждым цветком — табличка с его названием и именем. Вот так — каждый цветок имеет своё имя! Подошли к озеру. На поверхности лежали в виде двух обручальных колец букеты цветов. Из ближайших мест после бракосочетания приезжают сюда к озеру молодожёны и бросают на эти кольца цветы, символизирующие вечную любовь. Мне такая традиция очень понравилась.

Не спеша шли по городку. Проходя мимо кирхи, хотели в неё войти. Но храм оказался закрытым. «Очень жаль», — произнёс я скорее автоматически, нежели мне действительно хотелось туда попасть. Потом свернули с основной дороги в маленький переулок, и Петер зашёл в небольшой домик. Чуть позже мы узнали от него, что он просил ключи от кирхи у священника, объясняя, что гостю из России очень хочется посмотреть храм изнутри. Такой поступок меня тронул.

Осмотрев кирху и вдоволь насладившись ароматом роз, мы сели в машину и поехали к нашим немецким друзьям домой. Петер показал свой рабочий кабинет, лужайку перед домом, где находились пластиковая мебель и мангал для барбекю. Потом повёл в подвал, там было установлено оборудование для автоматического обогрева и водоснабжения четырёхуровневого дома. Он детально показывал, как устанавливается температура на приборах, как ведётся контроль. Чувствовалось, что Петер гордится своим детищем, ну и, видимо, я оказался хорошим слушателем, расспрашивая о некоторых непонятных мне вещах. На верхние этажи, где располагались спальни, он меня не повёл. Да мне это было бы неинтересно. Ирина и Грета в это время накрывали стол к обеду. Подъехал их сын с женой, каждый на своей машине. Думаю, что время обеда оговаривалось, так как к их появлению стол был уже сервирован. Между собой немцы говорили быстро, а во время обеда — медленнее и фразы строили простые. Всё это делалось для меня, так как Ирина могла говорить с более высокой скоростью, всё-таки учительница немецкого языка.

После обеда сын Петера Ганс пошёл на стадион, где проходил отбор детей двенадцатилетнего возраста в футбольную школу команды высшего дивизиона «Гамбург». В просмотре участвовал его сын Клаус. Я тоже напросился пойти с ним, ведь считаю себя знатоком этой игры. Правда, по этому

поводу есть удачная шутка: «В шахматы играют миллионы, но понимают в них единицы, а в футбол играют единицы, а понимают — все».

Отбор детей проходил неделю. Начало занятий в десять утра, и продолжались они до 16:00 с часовым перерывом на обед. Все футболисты были разделены на пять групп, с каждой из которых занимался свой тренер, давая определённые упражнения. Потом происходил переход ребят к другому тренеру. Ганс внимательно следил за тренировкой своего сына, и мне захотелось сказать что-то ободряющее. Я выдал:

— Манера игры Клауса мне напоминает Мюллера.

— Какого Мюллера? — спросил Ганс.

Вот тут я попал! Совершенно забыл в тот момент имя основного игрока сборной Германии Томаса Мюллера.

— Герда Мюллера, — робко ответил я.

— Ну, ты хватил! — засмеялся он, а потом и я за ним.

Герд Мюллер — непревзойдённый бомбардир немецкого футбола, играл в семидесятых за мюнхенскую «Баварию» и сборную ФРГ.

Летим домой. Самолёт едва касается облачного ковра, а над ним — голубое небо, и все пронизано солнцем. Приятно смотреть на эту красоту и думать. Рядом со мной сидит Ирина. Всю блокаду, с первого до последнего дня, она провела в Ленинграде. Ирина тогда была ещё маленькой девочкой, но её память многое сохранила: и бомбёжки, и заклеенные полосками газет окна, и то, как мать делила хлеб, отдавая больший кусок своей дочери. Помнит также, как она после войны со своими сверстниками — детьми блокадного города — носила еду немецким военнопленным.

И вот мы в этой поездке повстречались с двумя пожилыми немецкими семейными парами, которые по возрасту тоже наверняка помнили войну, может быть, другую в их восприятии, но такую же ужасную, со взрывами, стрельбой, разрухой.

— Ирина, ты около тридцати лет дружишь с этими немцами. Вы наверняка касались в разговорах темы войны? Какие чувства у вас возникали при воспоминаниях?

— Мы никогда не вспоминали войну, мы живём настоящим, мы просто дружим.

В те далёкие годы война коснулась многих семей. И моей тоже…

Отец мой и дед в блокадное время были на Дороге жизни… Деду не повезло… Мать на фронте восемь месяцев… На своих братьев получала похоронки…

И что же я? Какие чувства испытывал при общении с Ирининими друзьями, народ которых принёс на нашу землю войну? Нормально общались, тепло расставались. И это не оттого, что память у меня короткая. Нельзя злобу и агрессию носить в себе всю жизнь. В человеческой природе заложено чувство любви и всепрощения.

— Ирина, а как ты подружилась с немцами?

— Да все просто. Я сорок лет отработала в музыкальном училище учителем немецкого языка. С начала девяностых каждый год в качестве руководителя группы и переводчика привозила в Германию своих мальчиков, где они выступали перед немецкими слушателями.

— И ваше общение было ограничено только встречами?

— Нет, были разговоры по телефону, а сейчас регулярно общаемся по скайпу.

Разговор прервал голос стюарда: «Пристегните ремни, наш самолёт начинает снижение».

У меня в голове переклинило: хотел написать о Норвегии, о Шпицбергене, а написал о немцах. Видимо, на меня повлияли телевизионные нападки на русского школьника, который выступил в германском Бундестаге и в своём докладе пожалел немецких военнопленных Второй мировой войны, находившихся в советских лагерях. Целую неделю с экранов телевизоров слышалось гневное осуждение речи

подростка, который посмел проявить жалость к врагам нашей Родины. И ведь возмущены были не слесарь Иванов, не доярка Петрова, а люди хорошего материального достатка. Эти «патриоты» с двойным гражданством, недвижимостью и счетами за границей, детьми, которые обучаются в иностранных университетах и не собираются возвращаться в Россию, не имеют морального права быть судьями.

В русском человеке есть хорошее качество — сострадание. И мне было неприятно слышать нападки тех, для кого Россия — лишь средство зарабатывания денег и кто в глубине души не считает её своей Родиной.